

452
1992

Сухроб Мухамедов

ЗНАКОМАЯ
ТРОПА
К НЕВЫСОКОМУ
ХОЛМУ

Kitob shu yerda ko'rsatilgan muddatdan
kechiktirilmagan holda topshirilishi shart

Ilgarigi berilmalar miqdori _____

--	--

ДР 512 133-3
M 92

Сухроб
Мухамедов

ЗНАКОМАЯ
ТРОПА
К НЕВЫСОКОМУ
ХОЛМУ

Повести
и
рассказы

№

4837

Ташкент
Издательство ЦИ ИСЭМ Узбекистана
~~«Бир кутубхона»~~
1983

В сборник вошли произведения, посвященные
нашим современникам.

Рецензент — член СП СССР С. КУЛИШ

М $\frac{70302-44}{356(04)-83}$ 69—83 4702010200

© Издательство «Еш гвардия», 1983 г.

*Светлой памяти моей матери Ой-
бустон Мухамедовой посвящаю эту
книгу.*

Автор

Знакомая тропа к невысокому холму

П о в е с т ь

Поселок спал. Кругом было тихо. Изредка во дворах сонно таявкали собаки. Луна холодно освещала узкую улицу. У промтоварного магазина, внутри которого горело несколько лампочек, полулежал на сложенном вдвое матраце сторож Шакир-ата. Перед ним стоял фарфоровый чайник с наполовину отбитым носом и пиала. Не призвав меня, старик проворно уселся на корточки и пододвинул поближе старое ружье.

— Ассалом алейкум, ата! Это я, Ахат.

— Алейкум ассалом, сынок... Что-то ты поздненько! Издалека? — снова принимая прежнее положение, спросил Шакир-ата.

— Из Ташкента.... Последним автобусом.

Старик понимающе закачал головой.

— Садись, Ахатджан, передохни с дороги. Я вот только чай заварил.

— Спасибо, ата,— поблагодарил я старика.— В следующий раз...

Чем ближе подходил я к дому, тем острее чувствовалась усталость. Нелегко с тяжелой сумкой прошагать полтора десятка километров. Прежде чем зайти во двор, я некоторое время постоял у деревянной калитки, обдумывал предстоящую встречу с бабушкой. Она, естественно, удивится моему столь быстрому возвращению. Подумав, я решил сегодня ей ни о чем не говорить. Если она узнает причину, то, конечно же, расстроится, а у бабушки последнее время пошаливает сердце.

Увидев меня, она от неожиданности охнула и привстала с курпачи.

— Ахатджан!.. Ты!.. Так рано!.. Что-нибудь случилось?

— Нет, нет, все в порядке.— Я скинул у порога тяжелую сумку и обнял бабушку: маленькую, худенькую, с редкими седыми волосами.

— Ты не хочешь рассказать?

— Бабушка, милая, давайте обо всем поговорим завтра,— попытался я улыбнуться, но улыбка не получилась.

Она вздохнула и ласково погладила меня по плечу.

— Хорошо, сынок, хорошо.

... Рано утром я вышел во двор и увидел бабушку. В руках у нее был большой узел с бельем.

— Ахатджан, принеси мне таз,— попросила она.

Я принес из сарая большой таз и поставил его рядом с урючиной. Бабушка любила стирать именно здесь, прислонившись к дереву.

— Садись позавтракай,— сказала она.

— Что-то не хочется.

— Начинается старая история... Выпей хоть молока.

Бабушка ждет ответа на вчерашний вопрос, но у меня язык не поворачивается сказать ей правду. Я знал, что мое признание больно отзовется в ее сердце. И все-таки надо было сказать. Причем, именно правду.

Бабушка тем временем села под урючину на старую выцветшую курпачу, развязала узел и начала отбирать белье: темное в одну сторону, светлое — в другую... Я решился.

— Вы знаете, почему я вернулся?

— Конечно, нет, Ахатджан.

— Теперь, кроме вас, у меня других родственников нет.

— Как это понять, сынок? — Из рук бабушки выпало махровое полотенце.

— Раньше я думал, что у меня самые близкие люди вы и... отец. Но я ошибся.

Из груди бабушки вырвался глухой стон.

— Простите меня... Вы же знаете, что я всегда говорю правду.

Бабушка машинально кивнула.

Из подвешенной к урючине круглой плетеной корзины я взял лепешку, сунул ее по привычке за пазуху и, выбежав со двора, быстро зашагал по знакомой тропе к холму...

Он был не очень высокий. Я добрался до его вершины и посмотрел вниз — поселок теперь казался малень-

ким и очень зеленым. А вон домик с черепичной крышей. В нем живет Гавхар, моя бывшая одноклассница, а теперь... Я набрал полные легкие воздуха и что было силы закричал:

— Гавха-а-ар!

Она должна услышать. Она должна догадаться, кто и откуда ей кричит.

* * *

С Гавхар мы учились с первого класса, но подружались по-настоящему только в позапрошлом году на первомайском вечере. Было очень весело. Гремела музыка, и актовый зал вдруг оказался тесным для танцующих. Гавхар в скромном розовом платье стояла с подругами рядом с лотерейным лотком. Хусан, наш одноклассник, бойко предлагал всем приобрести билетки. Большие темно-карие глаза Гавхар улыбались. И я почему-то решил, что они улыбаются мне. В тот момент я стоял в противоположном углу зала и наблюдал за ней. Иногда наши глаза встречались, и тогда мне казалось, что они загораются озорными огоньками. Я пригласил ее на танец и тут же ужаснулся, зачем это сделал: ведь я же толком и танцевать не могу.

Нет, мы не кружились в вальсе, как другие, а просто осторожно двигались между парами. И я, глядя на Гавхар, в тот же вечер сделал для себя открытие, что она, оказывается, красивая.

«И все-таки странно, — подумал я, — почему я не видел этого раньше?» Неожданное открытие настолько взволновало меня, что я не заметил, как перестал танцевать... Стоял, крепко сжав ей руку. Гавхар подняла голову, посмотрела на меня, улыбнулась и направилась к своим подругам. Я больше не танцевал. А когда закончился вечер, мы с Гавхар гуляли почти до рассвета...

Вершины гор чуть-чуть посветлели, когда осторожно, чтобы не разбудить бабушку, пробрался я в свою комнату и, не раздеваясь, прилег на кровать. Спать не хотелось. Я был взволнован первой в своей жизни прогулкой с девушкой. И мне казалось, что эту встречу я ждал много лет... Я прикрыл глаза и вновь увидел Гавхар.

И вдруг в голове у меня стали складываться стихи. Сначала одна строчка, затем другая... Я и не заметил,

как начал их машинально повторять. Я не думал, какие они — хорошие или плохие. Я думал о Гавхар, и стихи были о ней. А затем я начал спрашивать себя, что со мной? Я еще не знал, что ко мне пришла любовь. Вот так неожиданно и непонятно.

Два месяца назад мы встретились с Гавхар у нашего родника. Сидели возле берега и молча смотрели на воду, на стаю ярких, темных маринок. Сюда часто приходят верующие старики. Их немного, человек пятнадцать. Помолившись, они кормят рыб, потом подолгу о чем-то говорят.

— Гавхар, что с тобой? — заговорил я первым.

— Как-то даже не верится, что мы навсегда распрощались со школой. — Гавхар встала и задумчиво пошла вдоль ручья, вытекавшего из родника. Затем остановилась и с грустью добавила: — И ты так вдруг... Ахат...

— Да.

— Ты не останешься здесь?

— Хотелось бы, но, думаю, отец сможет переубедить бабушку.

— Все правильно, — Гавхар улыбнулась, — ты должен поехать в Ташкент и поступать в институт.

Я молчал и думал о том, как было бы хорошо, если бы она тоже поехала в Ташкент. Вместе сдавали бы вступительные экзамены. Потом вместе учились бы, готовились к сессии... Но... Гавхар не может покинуть поселок. У нее в прошлом году умерла мама. Теперь Гавхар и хозяйка дома, и воспитательница детей. Дома у нее больной отец, сестренка, два младших брата.

— Гавхар...

— Не надо, Ахат. Я все понимаю. Ты должен. Поезжай. Учись хорошо, а я буду ждать. — Она отвернулась, чтобы скрыть зарумянившиеся щеки.

Я подошел к ней и, сам того не ожидая, обнял за плечи. В глазах Гавхар на мгновение метнулись искорки растерянности и испуга. Потом они исчезли. Глаза стали теплыми и родными. Она склонила голову мне на грудь, а я зарылся лицом в ее густые черные волосы и почувствовал, как на меня нахлынула пьянящая волна, закружилась голова.

— Ахат, ты не забудешь меня?

— Никогда.

— Но в Ташкенте так много красивых девушек!
— Ты для меня самая лучшая, Гавхар.
— Что?
— Понимаешь, я хотел тебе сказать... что я...
— Подожди, Ахат, не говори сейчас, пожалуйста.—
Гавхар прижала свою маленькую прохладную ладонь к моим губам.

— Но почему?
— Поверь мне. Так будет лучше. Честное слово.—
Она тихо рассмеялась и побежала по тропинке вниз.

Я смотрел ей вслед и думал, что мне в Ташкенте будет плохо без Гавхар и бабушки... А вот новая жизнь меня настораживала.

* * *

Отец... По справедливости, его можно назвать симпатичным. Во всяком случае, он выглядит моложе своих лет. Отец высок, достаточно строен, всегда хорошо, даже модно одет. Пожалуй, я был бы не против иметь такие костюмы, рубашки, галстуки. Но...

За свои семнадцать лет я встречался с ним считанные разы. Вообще-то он приезжал не так уж редко. Но часто получалось так, что меня не оказывалось дома и о его визите я узнавал от бабушки.

Отец, по словам бабушки, занимал ответственный пост в Ташкенте. У него там была семья. Последний раз мы с ним виделись в прошлом году, когда я перешел в десятый класс. Как сейчас помню, он приехал вечером на машине с прозрачными занавесками на заднем стекле. И нужно было видеть, как обрадовалась бабушка. Ее маленькие, словно черные бусинки, глаза светились теплом.

Бабушка зарезала пару петушков. Не прошло и часу, как она принесла на массивном блюде жаркое. После жаркого отец старательно вытер о полотенце длинные белые пальцы, выпил почти целый чайник чая и, наконец, спросил меня:

— У тебя нет желания переехать в Ташкент?

Я отрицательно покачал головой.

Отец вытащил пачку сигарет, долго мял одну из них, и затем закурил. Бабушка убрала блюдо и принесла маленькую тарелочку вместо пепельницы. Положив ее перед отцом, она спросила:

— Как, сынок, поживают Шоиста, Шавкатджан, Шукурджан? Отчего ты их не привез?

— Хорошо, мама. Все живы, здоровы.— Отец кашлянул и стряхнул пепел в коробочку. Он курил аккуратно и дым выпускал перед собой маленькими кольцами, слегка откидывая голову назад.— Шоиста сейчас работает над монографией и целые дни проводит то в архиве, то в библиотеке. Шавкат с друзьями уехал на Черное море, в Гурзуф, а младший под присмотром жены... Мне хотелось бы, чтобы Ахат перебрался в город. Я чувствовал бы себя немного спокойнее. Все-таки Ташкент, а не поселок. Ахат имел бы возможность встречаться с культурными людьми, посещал бы театры, выставки, музеи.

— Странно,— задумчиво глядя на отца, проговорила бабушка.

— Что здесь странного? — откинулся он на пуховую подушку и с удивлением посмотрел сначала на меня, а потом на бабушку.

— Рассуждаешь ты, сынок, очень любопытно... Я думаю, человеку не обязательно жить в городе, чтобы стать культурным. Ты, видно, забыл, что родился и вырос в поселке.

— Зачем же? Я помню.

— И городским жителем стал сравнительно недавно,— сказала бабушка, покачав головой.

Отец резко ткнул сигарету в тарелку и недовольно сдвинул густые брови. На его переносице залегла глубокая морщинка.

— Культурные люди, — бабушка осторожно нагнула на лоб косынку,— в них тоже, сынок, ошибиться можно... Человек порой бывает похож на тыкву — снаружи гладкий, блестящий, а внутри пустой.

Отец уехал. Но прежде чем сесть в машину, с улыбкой похлопал меня по плечу. Потом я помог бабушке занести в дом развешенные с утра одеяла и лег спать. Лежал с закрытыми глазами и пытался представить, как бы сложилась моя жизнь, если бы не умерла мама... Мы бы, наверно, все жили в поселке. Дружно, хорошо. У нас был бы отличный кирпичный дом. Такой же, как у председателя поселкового Совета. Мама помогала бы бабушке ухаживать за домом, вела бы наше хозяйство.

Мама... Я ее помнил смутно. Мне было четыре с половиной года, когда она умерла. Единственное, что со-

хранила моя память — это ее смех. Я его часто слышу во сне и просыпаюсь...

Через год после смерти матери отца перевели работать в Ташкент, а я остался с бабушкой. Она не захотела переезжать в город. И я считаю, что она поступила правильно. Лично меня никогда не тянуло к отцу. Я никогда не испытывал к нему особых чувств. Он меня не баловал ни вниманием, ни лаской. Я не помню случая, чтобы он в день рождения дарил мне подарки, либо поздравлял с переходом из одного класса в другой. Правда, изредка, по праздникам, он давал на меня бабушке деньги.

А у нее после отъезда отца заметно портилось настроение. Бабушка становилась задумчивой, неразговорчивой и рассеянной. Я раньше удивлялся этой смене настроения и спрашивал себя: «И зачем бабушка расстраивается? Разве плохо, когда получаешь деньги? Тем более, что лишних у нас никогда не бывает».

Бабушка в то время работала дояркой на ферме, и зарплата ее была не такой уж большой. Но однажды я понял, что она ждала от отца вовсе не денег. Она не теряла надежды, что сын изменится. Станет более внимательным, более ласковым к нам. Мне тоже хотелось, чтобы сбылись бабушкины надежды, чтобы она меньше переживала. Но отношение отца к нам, к сожалению, не менялось.

И вот за последний год в бабушке произошла существенная перемена. Теперь она встречала отца без радостных слез, без трепета в голосе. В ее словах появилась сухость. Но отец этого не замечал. Не замечал он и того, что бабушка стала с ним менее откровенной. Часто бывала с ним рассеянной и предпочитала больше молчать.

Моя мачеха — представительная, темноглазая, улыбкающая женщина. Она работает старшим научным сотрудником в институте, который, судя по ее словам, находится в центре города... Говорила и смеялась мачеха всегда тихо. Ее смех мне напоминал воркованье горлинки. Обращалась она ко всем на «вы», даже к сыновьям. Ходила мачеха тоже бесшумно, но что любопытно, все успевала вовремя сделать.

Последний раз я побывал в доме отца в прошлом году. Шавкат, сын мачехи от ее первого брака, замет-

но возмужал и изменился. Он выглядел старше своих восемнадцати лет. Это был высокий, крепкий парень. Но что мне не нравилось, в разговоре с людьми он часто морщился и лицо его принимало брезгливое выражение. Мы с ним встречались редко, по утрам, когда он убегал из дома в университет.

Отец со службы всегда подъезжал на машине к подъезду. Дома принимал ванну. Приблизительно за полчаса до его приезда мачеха проветривала ванную комнату, красиво обложенную нежно-голубым кафелем.

После купания он выходил веселый, посвежевший. Шутил и раскатисто смеялся. Но когда садился ужинать, лицо его принимало серьезное выражение, будто он за столом собирался решать важную проблему. Ел он всегда с аппетитом и много, старательно обсасывая каждую косточку.

По вечерам ему обычно звонили по телефону. Отец удобно располагался в кресле с высокой спинкой и брал трубку. По его выражению сразу можно было догадаться, с кем он беседует. С некоторыми говорил спокойно, почти равнодушно. С другими снисходительно. Но были и другие разговоры. В такие минуты голос отца звучал мягко, почтительно, почти вкрадчиво. Хорошо помню один из них. Отец поднял трубку и сразу же выпрямился в кресле, а в доме наступила тишина. Мачеха, сжав на груди полные красивые руки, улыбалась, довольно кивала и изредка закатывала глаза. Шавкат сидел с таким выражением, будто телефон соединен с раем. Даже Шукур — мой братишка по отцу — на время перестал капризничать.

Отец медленно опустил трубку на рычаг и блаженно потянулся в кресле. Потом между ним и мачехой состоялась короткая и непонятная для меня беседа.

— Он?

— Его первый, — интригуяюще понизив голос, сказал отец. — Уже доложил. Он не возражает.

— Что будем делать дальше?

— Тебе, видимо, нужно съездить к Рахимову на базу и подобрать хороший сувенир.

— Ему?

— Не обязательно, можно и для его половины.

Беседа прервалась, и мы сели ужинать. Шавкат был редким гостем за столом. Ну, а если он присутствовал,

то ужин переходил в длинную лекцию об обществе, назначении человека и о смысле жизни. Я в разговор не вмешивался. Больше слушал.

— Тебе, Шавкатджан, важно сейчас обрести полезными друзьями, чтобы потом, при случае, они сослужили добрую службу, — назидательно говорил отец, изредка поглядывая на мачеху. — Только не надо торопиться. Они сами найдут тебя. Твое дело будет заключаться только в том, чтобы отбирать и выбирать, а остальных без сожаления отметать... И еще, пожалуйста, запомни важную деталь — общество многослойно. В нем есть умные и глупые, есть люди счастливой судьбы и неудачники.

Слушая его речи, я вспоминал, как бабушка мне говорила, что «на свете людей хороших больше, чем плохих... Ахатджан, будь всегда честным и отзывчивым. И никогда, нигде не пытайся показаться умнее, чем ты есть на самом деле».

...Порой мне становилось тоскливо, и я рвался домой в поселок, к бабушке, к Гавхар. А отец усаживал меня в кресло и начинал долгий разговор об уважении к старшим. Нельзя быть неблагодарным. По его словам, я здесь окружен вниманием и заботой. В поселке я буду бездельничать, гонять собак и устраивать глупые скачки на ишаках. А тут, в городе, я имею возможность общаться к культуре, и искусству...

Я часто себя спрашивал: что за человек мой отец? Мне очень хотелось видеть в нем то, что я однажды увидел в отце Гавхар: понимание, доброту, отзывчивость. Нужно признаться, в семье моего отца уважали. Ко мне он, на первый взгляд, относился хорошо. Однако улыбка его не грела, слова не волновали душу. Он никогда меня и не спрашивал, кем я хочу быть, о чем мечтаю. Я пытался найти ответ на вопрос, почему он со мной такой, но не сумел. Пришлось срочно уезжать. И вот из-за чего.

Шавкат собрал дома друзей. По этому случаю в столовой был раздвинут массивный, с резными ножками стол. Тетя Шониста, естественно, постаралась для сына. Помогая, я узнал от мачехи, что друзья Шавката хорошие, милые ребята из очень порядочных семей.

— Значит, хорошие ребята? — переспросил я.

— Очень культурные и воспитанные... Вы можете у

них кое-чему поучиться,— сказала мачеха, вытирая полотенцем хрустальные фужеры.

Ну что ж, будет любопытно посмотреть на них, думал я, расставляя тарелки на столе.

Они пришли. Как сговорившись, хором поздоровались с тетей Шоистой.

— Здравствуйте! Как хорошо, что вы решили собраться у нас,— нараспев говорила мачеха с широкой улыбкой на лице.

В комнату шагнули три девушки в цветастых платьях. Шавкат представил их матери — Зуля, Шахида, Нодира. Я невольно им улыбнулся. А ребята были самые обыкновенные. Меня только немного смутили их выцветшие джинсы.

Вся компания равнодушно прошла мимо стола и развалилась кто в кресле, кто на диване. Через несколько минут комната утонула в сигаретном дыму. Курили все, кроме меня. И, глядя на собравшихся друзей Шавката, я думал, что мне, пожалуй, было бы стыдно прийти в гости в потертых брюках. У нас в поселке, когда кто-то из товарищей отмечал день рождения или другое торжество, мы долго к ним готовились. У нас не было выбора в одежде, но все равно мы приходили в самом лучшем. А тут? Может, у них это и есть лучшее?

... Шавкат с умным видом критиковал не то итальянский, не то французский фильм. Его друзья лениво с ним соглашались. Потом включили магнитофон. И мгновенно в динамиках, установленных в разных углах комнаты, протяжно завыл саксофон. Я вновь посмотрел на гостей. Полузакрыв глаза, они в такт покачивали длинными волосами. Ну и дела!.. Перед моим взором возникла поселковая чайхана с сидящими в ней седобородыми стариками. Это они, когда по радио или телевизору передают народную музыку, полузакрыв глаза, в такт покачивают головами.

А мы, когда собираемся с друзьями, не сидим на месте. И как только раздаются четкие, веселые ритмы дойры, пускаемся в пляс. А стоящие в кругу старшие прихлопывают и одобрительно покрикивают. А потом, поддавшись ритму дойры, сами пускаются в пляс.

Компания Шавката меня начинала смешить. Ребята как ребята, здоровые, сильные. Нет, я был не против музыки и певца. Музыка ритмичная, голос певца прият-

ный. Меня сместило другое: они танцевали так, будто каждому не двадцать лет, а шестьдесят. Хотелось приостановить музыку и сказать: «Ребята, ведь вы же молодые. Ну что же вы топчетесь на месте, словно стреноженные лошади». Но тут же подумал: «В конце концов, какое мне дело, как они танцуют. Раз им нравится, пусть дергаются».

Танцуя, Шавкат с ухмылкой подмигнул Зуле и кивнул в мою сторону. Я тут же насторожился, чувствуя в кивке «братца» какой-то подвох. Зуля медленно подошла ко мне, бесцеремонно оглядела с ног до головы и нараспев спросила:

— Юноша, ты запомнил мое имя?

— Да, вас зовут Зулей.

— А почему ты так плохо говоришь по-русски?

— Я изучал его только на уроках.

— Шавкат, а в твоём родственнике что-то есть. — Зуля улыбнулась и, видимо, оставшись довольной своим замечанием, опустилась в кресло напротив меня.

— Ты находишь? — не глядя на нее, спросил Шавкат.

Я вдруг рассмеялся. Меня рассмешили их деревянные голоса и лица.

— Ты что? — Зуля удивленно вскинула удлиненные тушью ресницы.

— Да не обращай на него, старуха, внимания, — бросил Шавкат. — Может быть, мы пришлись ему не по душе...

И здесь меня прорвало. Я сказал им, что они молодые старики и что так не веселятся.

— Шавкат, а твой брат случаем не «шизик»? — поразилась Зуля.

Кто-то нажал на кнопку магнитофона, и наступила тишина. Шавкат нерешительно потоптался на месте, а потом подошел ко мне и сквозь зубы заметил:

— Ну ты, неотесанный. Тебя, видно, не научили в кишлаке правилам поведения в приличном обществе.

— Это ты — общество? — засмеялся я.

Я видел, как не то удивленно, не то растерянно замерли на своих местах друзья «братца».

Шавкат вдруг размахнулся. Я успел вовремя уклониться, и его кулак мелькнул перед моим носом. «Что делать? Не связываться? Может, повернуться и уйти?»

Но дружба моего «братика» расценят это как трусость. Или же проучить его? Чтобы в следующий раз не махал кулаками»,— быстро соображал я.

Решение пришло неожиданно. Шавкат размахнулся еще раз, я сделал шаг вперед и резко ударил его в грудь. Он громко охнул и, сжавшись, опустился на ковер. Я хотел тут же помочь Шавкату, но увидел в дверях махеху. В ее глазах было столько ненависти, что я испугался и неожиданно почувствовал себя очень усталым.

«Тебе в этом доме больше нечего делать»,— решил я и выбежал из комнаты. Через час самаркандский автобус увозил меня в Каракишлак.

Бабушке о случившемся я, конечно, не стал рассказывать, так как знал, что она будет переживать. А вот от Гавхар свою ссору с Шавкатом скрыть не смог. Она долго молчала, грызя задумчиво стебелек травы. Я устал ждать и, собрав камешки, начал бросать их в воду родника.

— Перестань, не засоряй родник,— придержала она мою руку.— То, что ты не дал себя в обиду, это хорошо. Но ты забыл об одном: умное слово сильнее любого удара.

— Разозлился я очень на него... Меня первый раз оскорбили. Вот я и не сдержался. Была бы моя воля, я этих Шавкатов...

— Успокойся,— перебила меня Гавхар,— Шавкатов не так уж много.

— Я знаю, что их мало. И тебе, и мне с такими козлами не по пути... А ты знаешь, я ехал домой и радовался. Понимаешь? Мы любим землю, а она любит нас. Мы знаем, что такое труд, и наши руки привычны к любой работе. У нас даже жизнь иная, чем у моего «брата» и его друзей.

— Чем же? — улыбнулась Гавхар.

— Мы живем на природе, своим трудом, без всяких глупых влияний.

— А что ты имеешь в виду под глупым влиянием?

— Ну, всякие там тряпки.

— Ахат, но это же мода!

— А кто тебе сказал, что я против моды... Я только против того, что уродует человека, делает его не таким каков он есть на самом деле.

— Бабушка, где вы?

— Я в курятнике. А что случилось?

— Ничего, я ухожу в школу.

— Позавтракал?

— Да.

— Что ты ел?

— Выпил пару яиц... И молоко тоже...

— Когда ты успел?

— Только что.

— Любопытно, внучек...

— Что именно?

— Корову я только подоила. Молоко, вот оно, в ведре, а яйца я даже собрать еще не успела.

— Сдаюсь,— рассмеялся я.

Бабушка недовольно покачала головой. Но ее лицо вновь стало добрым, когда я сел за стол и привычно застучал деревянной кружкой, из которой, сколько себя помню, постоянно пью молоко.

Я люблю бабушку. Она для меня самый близкий и дорогой человек. Ласковая, мудрая. И ни минуты не сидит на месте. Я наверняка бы удивился, если бы однажды застал ее без движения. Бабушка была занята с раннего утра и до позднего вечера: расчесывала шерсть, избивала сливки, подметала двор, убирала в доме, пекла лепешки или стирала, прислонившись к старой урючине. Стиральную машину она не признавала, считая, что та только портит белье. Я всегда помогал ей. Носил воду, выгребал золу из тандыра, колол дрова и работал до тех пор, пока она не скажет: «Ну, на сегодня хватит».

А потом мы садились за ужин, который обычно затягивался, потому что бабушка ела медленно. А перед сном она всегда садилась у моего изголовья и рассказывала мне что-нибудь интересное.

О родителях мы говорили редко. А если и вспоминали, то речь шла в основном об отце. Правда, однажды бабушка рассказала мне поразительную вещь. Будто бы мама через год супружеской жизни заявила, что ее любимый Акмальджан не так уж хорош, каким представляет его мать. В действительности же он лицемер и к тому же карьерист. Бабушка, обидевшись за сына, перестала ходить к нам в дом. А Акмальджан, как ни стран-

но, не сделал ни единой попытки, чтобы внести ясность в их отношения, а потом помирить. Хотя она об этом не раз намекала сыну.

Действительно, странно. Почему отец не помирил бабушку с мамой? Почему мама назвала его лицемером и карьеристом? Чтобы поссорить мать с сыном? А зачем?.. Может быть, она ошиблась? Или же мама знала то, чего не знает бабушка? И почему бабушка теперь вроде бы согласна с мамой?

— Значит, в школу? — переспросила бабушка. — А вырядился женихом...

— Бабушка, сегодня же такой день...

— Какой?

— Нам сегодня будут вручать аттестаты.

— Товба... Прости меня, Ахатджан, старую, совсем память стала никудышная. — Бабушка вздохнула, высыпая перед курятником просо.

Домой со школьного вечера я возвращался поздно. Проходя мимо магазина, увидел сидящего сторожа Шакира-ата. Перед ним, как всегда, стоял фарфоровый чайник с наполовину отбитым носом. Ружье висело на гвозде, вбитом в столб.

— А-а, Ахат, алейкум ассалом! Из школы?

— С вечера.

— Все, значит, закончили учебу? Торопись. Тебя дома отец дожидается. Он приехал еще засветло.

Бабушка с отцом сидели под урючиной на низкой деревянной тахте. Я поздоровался. Отец встал, неожиданно прижал меня к груди и усадил рядом с собой.

— Поздравляю, сынок, с окончанием школы. Будем считать, что первый барьер ты в жизни преодолел.

Я с удивлением посмотрел на него. Обычно сдержанный, даже равнодушный, он вдруг расчувствовался. Все это показалось мне не слишком естественным.

— Теперь нужно, сынок, набрать необходимую скорость, чтобы взять следующий барьер. — Отец закурил, повертел в пальцах потухшую спичку и продолжал: — А когда ты и его преодолеешь, начнешь выходить в люди. Понимаешь? Станешь специалистом с высшим образованием. Вот тогда мы... впрочем, не будем загадывать. Сначала закончи институт, а там посмотрим.

— А что, не так уж плохо, — продолжал он, выпуская маленькие кольца дыма, — откровенно говоря, я даже не

ожидал увидеть такие отметки... Это приятно. Ты меня, сынок, порадовал... Чего не могу сказать о Шавкате. Парень он неглупый, далеко неглупый, а вот учился слабенко... Ладно, это не главное. Ну, так как?

Я пожал плечами.

— Ты не хочешь учиться в институте?

— Он, Акмальджан, хочет остаться в поселке и поступить на курсы механизаторов.

— Механизаторов? Чепуха какая-то! Что скажут люди, мои знакомые и друзья, когда узнают о сыне-трактористе? Несерьезно это.

И отец недовольно передернул плечами.

— Ты неправ, сынок, — возразила бабушка, — специальности все хороши. И если Ахатджан будет трудиться от души, его люди станут уважать так же, как уважают, например, тебя.

— Знаю, знаю, мама, — перебил ее отец, — я не против механизатора. Но я хочу, чтобы он стал дипломированным механизатором. Чтобы он разбирался не только в тракторе, хлопкоуборочной машине, а во всей сельскохозяйственной технике. Разве тебе, Ахат, не хочется быть именно таким специалистом?

— Таким хочется, — ответил я.

— Вот и прекрасно... Разве ты глупее других, сынок? Судя по аттестату, у тебя светлая голова. Но если природа наделила тебя этим даром, будет просто преступлением ходить в рядовых механизаторах. Или я не прав?

Отец ущипнул меня за мочку уха и рассмеялся. Я посмотрел на бабушку и удивился. Она мне показалась помолодевшей. Морщинки на лбу разгладились, глаза светились радостью. А у меня неожиданно испортилось настроение. И испортилось оно оттого, что я понял ее состояние. Бабушка, глядя на вдруг преобразившегося сына, который с таким участием говорил о моей дальнейшей судьбе, сейчас забыла о своих обидах и тревогах. И не беда, что он многие годы был ко мне невнимательным и даже равнодушным. Зато теперь, когда решался главный вопрос в жизни внука, он не остался в стороне.

«Бабушка, моя милая, вот за это я тебя люблю... Ради меня ты можешь забыть свои прежние обиды», — думал я, разглядывая узоры фарфоровой палалы.

— Собирайся, сынок, поедem,— сказал отец, затушив сигарету в блюдечке.

— Так сразу... Сегодня?!

— Тебе здесь больше нечего делать.

— А как же бабушка, а как же?... — я чуть не проговорился про Гавхар.

— Со мной, Ахатджан, ничего не случится,— взволнованно говорила бабушка.— Ты должен стать инженером. Я очень хочу, чтобы ты меня однажды на своей машине повез в Ташкент, Самарканд... Мы потом на месте старого дома построим новый, из кирпича, с шиферной крышей.

— И с вапшой?— грустно улыбнулся я.

— Обязательно, Ахатджан.

Я кивнул и подумал: как ей будет житья без меня? Кто теперь бабушке будет помогать носить воду, убирать мусор, колоть дрова? А Гавхар?..

Я обнял на прощание бабушку и, закинув тяжелую сумку с учебниками на плечо, зашагал к машине; отцовский шофер Анатолий крепко пожал мне руку.

— Слышал краем уха... Шеф говорил, что хочешь в институт.

— Еще не знаю.

— Вот тебе и раз,— рассмеялся Анатолий,— другие об этом мечтают, а ты...

* * *

Семейный совет начался на следующий день после ужина. Нас было трое — отец, тетя Шоиста и я.

— Давайте обсудим один вопрос. До начала экзаменов есть еще целый месяц. Чем все это время будет заниматься Ахат? — заговорил первым отец.

— Как и все... Видимо, готовиться,— без особого энтузиазма отозвалась мачеха.

— Вы правы, — поддержал я тетю Шоисту, — до начала экзаменов не мешает позаниматься. Особенно по физике и математике.

— И русским языком тоже,— напoмнила мачеха.

Я посмотрел на мачеху и попытался благодарно улыбнуться ей за напoминание, но улыбка не получилась. И скорее всего оттого, что я еще был под впечатлением вчерашнего дня. Когда мы с отцом зашли в дом, от меня не ускользнул взгляд мачехи, ревнивый и недобрый,

хотя ее губы были растянуты в приветливую улыбку. Отец, конечно, этого взгляда не увидел. Он устало сел в кресло и попросил минеральной воды. А у меня тоскливо заныло сердце. В этом доме я чужой человек.

«Все правильно, так и должно быть — подумал я, — кто я ей? Умершей жены сын! Да разве мало таких на свете?»

— Что ты предлагаешь, сынок? — спросил отец.

— Вернуться домой, позаниматься, а к началу экзаменов приехать в Ташкент, — не раздумывая, ответил я.

— Очень разумное решение, — одобрительно кивнула мачеха.

— Нет, этот вариант отпадает, — покосился отец на мачеху и потянулся за сигаретами, лежащими на журнальном столике. Закурив, он продолжал: — Сегодня днем я звонил товарищу в Москву и узнал, что его дача пустует... Вот я и подумал: не поехать ли тебе туда дней на пятнадцать? Отдохнешь, наберешься сил. А в оставшиеся полмесяца усиленно позанимаешься.

Такого поворота в разговоре я не ожидал. И не скрою, предложение отца мне очень понравилось. Побывать в Москве было мечтой моего детства. О ней я знал только по книгам, фильмам, телепередачам. А тут! Сердце радостно забилося, и только я хотел сказать о своем согласии, как меня опередила мачеха.

— А когда он будет готовиться? Я считаю, мальчик должен позаниматься, обратив серьезное внимание на те предметы, которые ему предстоит сдавать... А если он не поступит в институт? Кому будет стыдно? В первую очередь — вам.

— Не говори, пожалуйста, чепухи, — поморщился отец.

— Могу и помолчать... Но тогда, извините, зачем вы меня пригласили? Судьбу сына должен решать отец, а не... — невольно сказала мачеха.

Отец резко встал с кресла и крупными шагами прошелся из конца в конец комнаты.

— Мне думалось, услышу от тебя что-то разумное, но, к сожалению, я ошибся... — заметил он, — и знаешь почему? Потому что речь идет не о Шавкате.

— Вы ошибаетесь, — возразила мачеха.

— Представь, не ошибаюсь. Я, дорогая моя, знаю тебя не один год. Ты, когда это нужно, бываешь на удив-

ление рассудительной и разумной. Я повторяю: когда это нужно.

Мачеха пожала плечами и быстро проговорила:

— Я уже сказала вам свое мнение.

— А я не спрашивал твоего мнения, — повысил голос отец, — я сам знаю, чем заниматься Ахату.

— Чего вы от меня хотите? — спросила мачеха, прижимая руки к груди.

— Я хочу, — наставительно сказал отец, — чтобы ты не смела косо смотреть на Ахата. Слышишь? Не смей. Он тебе не сделал ничего плохого.

— Вы неправы... Я ко всем отношусь одинаково, — возразила она.

— Ерунда! Ты всю жизнь защищала своего Шавката. Если я его по делу ругаю, ты бросаешься выгораживать его, хотя знаешь, что он не прав. Так вот, в данный момент я встаю на защиту своего сына. Ты говоришь, Ахату надо заниматься. А почему ты забыла о существовании этого слова в прошлом году? Да потому, что не думала тогда об экзаменах, об аттестате. Тебе нужно было, чтобы Шавкат поехал на море, отдохнул перед поступлением в институт. А ты помнишь, какой у него был аттестат? Противно смотреть. Даже по физкультуре тройка. Когда же я у тебя спрашивал: «Как Шавкат занимается?», ты всегда говорила одно и то же: «Хорошо. Педагоги им довольны, папочка».

— Мальчик сам все решил, без вас... Сдал успешно экзамены и был зачислен на первый курс, — сказала мачеха.

— Боже мой, да ты воплощение наивности! — развел руками отец. — Как, оказывается, у тебя все просто: пошел, сдал, поступил. Да если бы не я, не мои хлопоты, Шавкату не видеть бы института, как своих ушей.

— Я же этого не отрицаю, — примирительным тоном сказала мачеха.

— Кстати, вчера посмотрел его зачетку. И боже мой...

— А что с ней случилось? — испуганно привстала с кресла тетя Шоиста.

— Успокойся и сядь. С зачеткой ничего не случилось. Но я советую заглянуть в нее, — усмехнулся отец.

— А что там? — слабым голосом спросила мачеха.

— Сплошные «удовлетворительно» и больше ничего.

— Мальчику тяжело учиться.

— Тяжело, говоришь? — отец прошелся по комнате. — А шататься допоздна и дергаться под дурацкую музыку — не тяжело? Рыскать по городу за джинсами — не тяжело?

— Он же молодой человек и должен развлекаться, — попыталась защитить сына тетя Шоиста.

— Сколько можно развлекаться?! — вдруг закричал отец. — Он всю жизнь скачет кузнечиком. Пора бы и делом заняться. Подумать о будущем.

— Вы же его сами постоянно хвалите. Будьте справедливы, он во всем старается быть похожим на вас.

— Вот это я приветствую... Ты и Шавкат знаете, что я хочу только добра. Хочу, чтобы каждый из нас взял от жизни все возможное, — уже более спокойным голосом сказал отец.

За обедом следующего дня решили, что я полечу в Москву в воскресенье утром первым рейсом. А в субботу, как я знал, отец будет отмечать день своего рождения.

* * *

Если бы я мог предугадать, что в субботу вечером стану свидетелем сцены, которая оставила у меня тяжелое впечатление, то я бы, конечно, под каким-нибудь предлогом ушел бы из дома. Но...

С утра отец был в хорошем настроении. Тетя Шоиста преподнесла ему в подарок часы и запонки с красивыми камнями, а мы с Шукуром — по открытке. Довольно улыбаясь, он принял наши поздравления и пригласил в столовую позавтракать. На столе уже стояла хрустальная ваза со свежими цветами.

Через несколько часов, ближе к обеду, пришли поздравить его сотрудники — трое мужчин и одна женщина. И тут меня впервые неприятно поразил отец. Он разговаривал с сотрудниками очень сухо, можно сказать, недружелюбно. Сидел на диване, раскинув руки, а на губах его играла самодовольная улыбка. И в голосе чувствовалась грубоватая снисходительность. А когда гости, посидев с четверть часа, встали, отец даже не вышел их проводить. И к свертку с подарком, который они принесли, он не проявил никакого внимания. Ногой отодвинул его в угол комнаты, где тот пролежал целый день, пока мачеха под вечер не убрала с глаз долой.

Когда мы с тетей Шоистой раздвинули стол и стали

расставлять посуду, я обратил внимание, что отец начал волноваться. Гладко выбритые щеки его вдруг залились румянцем, а в глазах заметались страшные огоньки, которые, вспыхнув, тут же исчезали. Не выпуская сигареты изо рта, он долго ходил вокруг стола, затем, словно спохватившись, начал тщательно вытирать белоснежным полотенцем большую стопку ложек, вилок и ножей.

К семи часам столовая была готова к приему гостей.

Отец и тетя Шоиста ушли к себе в комнату переодеться, а мне поручили на кухне протереть бутылки с минеральной водой и лимонадом. Смахивая пыль с бутылок, я вспомнил смущенные лица сотрудников отца. И мне было стыдно за то, что их сухо встретил отец, за его высокомерный тон и за то, что он даже не привстал с дивана, когда они стали прощаться. Я вспомнил, как гости растерянны и стесненно топтались в просторной прихожей, не зная, как отпереть дверь с хитрым замком. Мачеха даже не выглянула из кухни. И, распахнув перед ними дверь, я почувствовал такую же неловкость, какую испытывали они сами.

Мысли мои невольно перенеслись в Каракишлак. В наш дом, например, раз или два в неделю обязательно приходили гости. В основном это были бабушкины подруги, с которыми она когда-то работала на ферме. Они обычно рассаживались под урючиной и рассказывали друг другу о последних новостях. Среди бабушкиных подруг выделялась тетушка Зебо — высокая полная старуха. Она всегда говорила и смеялась громче всех. Когда я увидел ее в первый раз, то мне показалось, что она суровая и властная. Но на самом деле тетушка Зебо оказалась доброй и веселой.

Однажды произошел интересный случай. В прошлом году в мае, гуляя с Гавхар на холме, я нашел два необычайных по окраске мака. Они были не ярко-красными, как все, а сиреневато-розовыми. Обрадовавшись этой находке, я преподнес маки Гавхар. Она долго рассматривала цветы, а потом, протянув один из них мне, сказала: «Поставь в вазочку. Я сделаю то же самое».

Придя домой, я застал сидящих во дворе бабушкиных подруг. Старушки приветливо закивали мне и заметили лукаво, что бабушке уже надо подыскивать невестку. А тетушка Зебо, увидев мак, вдруг предложила:

— Ахатджан, сынок, сделай, пожалуйста, одолжение.

Выбери среди моих подруг самую красивую, самую уважаемую и преподнеси ей этот цветок. Пусть одна из нас сегодня порадуетя чуть больше, чем остальные.

Я обвел их взглядом, и, как ни странно, они все мне показались красивыми. Головы повязаны белоснежными платками, брови подведены усьмой, а глаза полны тепла. Нерешительно потоптавшись, я с улыбкой протянул цветок бабушке. И только она его взяла, как раздался громкий смех тетушки Зебо.

— Я так и знала, Мехринисо, что внук преподнесет его тебе, — сказала она и указала мне на свободное место.

Я сел.

— Слушай, Ахатджан. Твой поступок мне напомнил одну интересную притчу. Я хочу ее рассказать.

«В далекие времена правил одним государством шах.

Однажды вечером он сидел с визирем в саду и обсуждал государственные дела. Неожиданно к ним подошел старший садовник и, склонившись, сказал:

— О, мой повелитель! Мне удалось вырастить цветок необычайной красоты. Сегодня я посмотрел на него и подумал, что он достоин того, чтобы предстать перед твоими очами. Разреши принести.

Шах кивнул. Скоро старший садовник вернулся, держа в вытянутой руке цветок. Взяв его, шах сначала долго им любовался, а потом задумался. Дождавшись, когда садовник ушел, шах сказал визирю:

— Мой друг, честь и хвала нашему садовнику, вырастившему такую прелесть. А что может быть на свете прекраснее цветка? Только дитя! Так пусть же его владельцем станет самый умный, самый красивый ребенок. Ты не возражаешь?

Визирь в знак согласия склонил голову. Шах подозвал огромного чернокожего раба и, вручив ему цветок, приказал:

— Зайди в зал и ты увидишь там играющих детей. Внимательно посмотри и отдай цветок тому, кто покажется тебе самым красивым и умным.

Раб ушел. А шах, глядя ему вслед, улыбался. Он знал, что его дочь — признанная красавица, о которой многие поэты слагали газели и дастаны.

Раб вернулся и опустился на колени перед повелителем.

— Ты в точности выполнил мой приказ? — спросил шах.

— Видит бог, мой государь, я этот цветок отдал самому красивому ребенку.

— Кто же им оказался?

— Мой сын, повелитель... мой сын оказался самым красивым ребенком, — ответил раб...»

Старушки рассмеялись. А тетушка Зебо сказала мне:

— Ты, сынок, не ошибся в выборе. Твоя бабушка действительно самая красивая и уважаемая среди нас.

Когда подруги начинали расходиться, бабушка всегда провожала их до дороги, ведущей к центру поселка. И я этому не удивлялся. Она радостно встречала каждого, кто переступал порог нашего дома. Будь то подруги, соседи или просто знакомые. Все для нее были уважаемыми и желанными гостями.

Я однажды сказал ей:

— Бабушка, вы встречаете и провожаете людей так, будто каждый из них самый близкий для вас человек.

Она ответила не сразу. Сначала допила из пиалы чай, сложила в полотенце хлеб и, собрав скатерть, задумчиво молвила:

— Ты, Ахатджан, молод и многого еще не понимаешь. Но постарайся запомнить то, что я тебе сейчас скажу. Наш народ всегда славился гостеприимством. Мы радуемся, когда в дом приходит гость. Радуетесь потому, что человек приходит к тебе с миром, с добрыми чувствами и мыслями.

И я запомнил бабушкин совет.

... Из окна кухни я увидел, как к дому одна за другой подъехали машины. Отец и тетя Шоиста встречали гостей у подъезда. Потом я услышал их голоса в столовой.

На кухню забежала мачеха. Она пригладила волосы и взволнованно сказала:

— Возьмите из ящика стола несколько салфеток, бутылку с минеральной водой и поставьте на столик рядом с телевизором. Только будьте, пожалуйста, осторожны. Смотрите, ничего не опрокиньте.

Я кивнул и пошел в столовую. За столом сидели трое мужчин и три женщины. Поздоровался. Гости, кажется, кивнули головами. Я уже не смотрел в их сторону, а во все глаза глядел на отца. Слегка согнувшись, он с угод-

ливой улыбкой вертелся вокруг худенького морщинистого мужчины. И голос отца изменился. Он был тихим, ласковым, каким-то воркующим. Тот, которого отец называл Хамидом Асадовичем, чувствовалось, бывал здесь не раз. Держался спокойно, уверенно. А когда ему предоставили первое слово, Хамид Асадович воспринял это как должное. Он медленно поднялся со стула, держа рюмку с коньяком.

Я не слышал, о чем говорил Хамид Асадович. Сжав бутылку с минеральной водой, я спрашивал себя: что же заставило отца заискивать перед этим маленьким, очень несимпатичным человеком? Почему ему не сидится на месте? Он все время вертится вокруг Хамида Асадовича и при этом что-то мурлычет ему на ухо. А Хамид Асадович лишь изредка улыбается в ответ.

Когда было выпито несколько рюмок, гости заметно повеселели. Начали рассказывать анекдоты, смешные случаи из жизни. Все громко хохотали. Отец смеялся тише всех. Прикрывая рот ладонью, он с восхищением поглядывал на тонко хихикающего Хамида Асадовича.

Женщины тоже смеялись, только не так громко. А тетя Шоиста усердно обхаживала полную, с круглым лицом женщину в дорогом платье. Позже я узнал, что это была супруга Хамида Асадовича.

Часов в одиннадцать подали на большом блюде плов. И снова поднялся с места Хамид Асадович. Говорил он плохо: покашливал, делал длинные паузы между фразами. Его выручала тетя Шоиста. В паузах она с улыбкой благодарила уважаемого гостя за визит.

— Мне очень приятно сообщить вам, уважаемый Акмаль Рустамович, что я приехал на ваше торжество с известием, которое порадует вашу семью, и в первую очередь Шоисту Хасановну, — Хамид Асадович почмокал влажными губами. — Когда встал вопрос о том, кого назначить на место ушедшего на пенсию Ильхамова, я предложил вашу кандидатуру. Позавчера, то есть в четверг, мне сообщили, что мое предложение одобрено. Скоро вас должны вызвать на утверждение. Мне думается, очередное выдвижение Акмаля Рустамовича — явление закономерное. Он человек внимательный, уважительный и хорошо знает свое дело... Итак, пожелаем ему успехов на новой должности.

Пока говорил Хамид Асадович, я украдкой наблюдал

за отцом. Он сначала побледнел, а затем на его щеках появился румянец. А тетя Шоиста плакала. И когда она бросилась поздравлять мужа, я осторожно проскользнул на кухню.

... Из окна я видел, как отец первым ринулся к своей машине, открыл заднюю дверцу и замер в ожидании, когда подойдет со своей супругой Хамид Асадович.

Когда гости разъехались, отец снова изменился. Он задумчиво ходил по столовой и вполголоса пел какую-то песню. После того как мы с мачехой убрали посуду, он сел в кресло и спросил у тети Шоисты:

— Ты не забыла преподнести?..

— Нет, что вы, я ей положила в сумку.

— Очень хорошо, — отец довольно потер руки. — Сделан еще один шаг вперед... Теперь должно многое измениться.

— Что, например? — поинтересовалась мачеха.

— Многое, дорогая! Расширится круг знакомых, друзей. И не исключено, что я среди них найду такого, который поможет мне... — Отец сделал паузу, а потом решительно бросил: — поможет мне занять место Хамида Асадовича. А что? Я уверен, что с его работой буду справляться лучше, чем он.

— Ах, скорей бы! — закатив глаза, воскликнула мачеха.

Я прошел на балкон и прилег на широкий деревянный топчан. Теперь мне стало ясно. И почему отец с угодливой улыбкой вертелся вокруг Хамида Асадовича, и почему тетя Шоиста так усердно обхаживала его супругу, не забыв положить ей в сумку то, что отец называл «хорошим сувениром».

Я невольно усмехнулся при мысли, что было бы, если Хамид Асадович узнал бы, кого он рекомендовал на новую должность и какие у его подчиненного планы на будущее. И вдруг вспомнил ту беседу с бабушкой. Она с обидой говорила о маме, несправедливо оскорбившей любимого сына. Я не осуждал ее. В конце концов, откуда ей знать о том, каким был и каким стал ее сын. Может быть, пока отец учился в школе, в институте, бабушка не замечала за ним ничего плохого. Все то, о чем поделилась с ней; мама, может, родилось в отце позже, когда он женился, начал работать. И мама стала первым человеком, который все это увидел...